

Анника Мор

Konzentrationslager
Mauthausen / Gusen Oberdonau / St. Gargers

Folgende Anordnungen sind beim Schriftverkehr mit Gefangenen zu beachten:

- 1.) Jeder Schutzhaftgefangene darf im Monat zwei Briefe oder zwei Karten von seinen Angehörigen empfangen und an sie absenden. Die Briefe an die Gefangenen müssen gut lesbar mit Tinte geschrieben sein und dürfen nur auf einer Seite enthalten. Gestattet ist nur ein Briefbogen normaler Größe. Briefumschläge müssen ungefüllt sein. Ein Brief darf nur einen Briefbogen umfassen und unterliegt der Beschlagsnahme. Postkarten haben nur einseitige Aufschriften als Postkarte mit Vorname, Nachname, Geburtsdatum, Häftlingsblock und Stube anzugeben.
- 2.) Gesandten dürfen nur Briefe schreiben, die durch die Poststelle des K. Mauthausen / Gusen bestellt werden.
- 3.) Zeitungen sind gestattet, dürfen aber nur durch die Poststelle des K. Mauthausen / Gusen bestellt werden.
- 4.) Lebensmittelpakete sind gestattet, außer einem Inhaltsverzeichnis, das mit dem Namen des Absenders und dem Empfänger versehen sein muss. Entlassungsgesuche aus der Schutzhaft an die Lagerleitung sind zwecklos.
- 6.) Sprecherlaubnis und Besuche von Gefangenen im Konzentrations-Lager sind grundsätzlich nicht gestattet.

Alle Post, die diesen Anforderungen nicht entspricht, wird vernichtet.

Frei
Wien
Lunduff

Открытое
Море

Остров в море в 2 тт.

Анника Тор

Глубина моря; Открытое море

«Самокат»

2003

УДК 821.113.6-31-93
ББК 84(4Шве)-44

Тор А.

Глубина моря; Открытое море / А. Тор — «Самокат»,
2003 — (Остров в море в 2 тт.)

ISBN 978-5-91759-494-1

Что хуже, неизвестность или страшная весть, пришедшая из-за моря? Штеффи уже далеко не ребенок, она стремится к исполнению мечты и обретению профессии, сталкивается с несправедливостью и предательством, но не теряет надежду, даже когда Нелли отдаляется... Вестей от родителей уже нет давным-давно. И когда война кончится, вернется ли прежняя жизнь, спустя долгие шесть лет? Тетралогия Анники Тор переиздается в России в двух томах, по две книги в каждом. Во второй том вошли книги «Глубина моря» и «Открытое море».

УДК 821.113.6-31-93

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-91759-494-1

© Тор А., 2003
© Самокат, 2003

Содержание

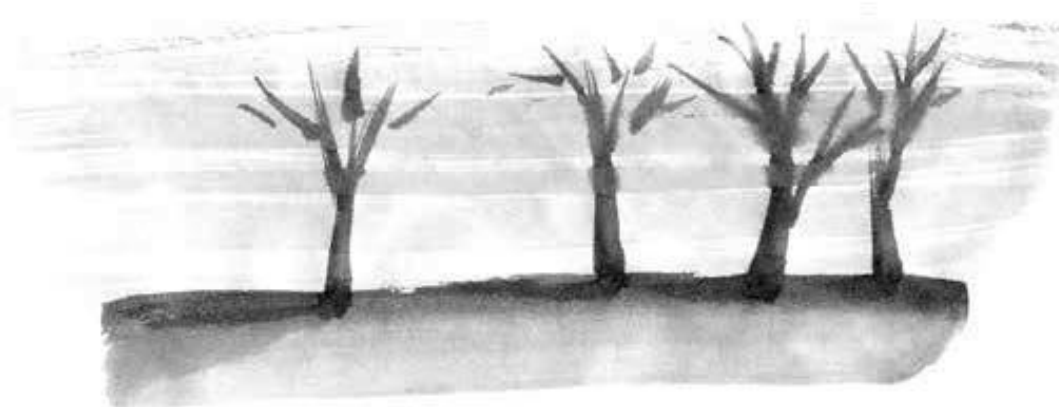
Глубина моря	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анника Тор Глубина моря; Открытое море

Глубина моря

Глава 1

Трамвай, громко стуча колесами, ехал по широкой улице. Штеффи смотрела в окно, не замечая того, что видела. Улицы, дома, магазины и деревья по пути в школу были так хорошо знакомы, что стали невидимыми. Где-то в ее сознании промелькнули другие улицы, другие дома. Как видение, как воспоминание о сне.

– О чем ты задумалась?

Штеффи перевела взгляд от окна на Май, что сидела рядом с ней.

– Ни о чем, – сказала она.

– Тебе повезло, что едешь не одна, – сказала Май. – А то, чего доброго, забудешь выйти.

С резким скрежетом трамвай затормозил у остановки Сандарна. Штеффи и Май поднялись. Так же поступили почти все остальные пассажиры, кто еще не сошел на извилистом пути трамвая через Майорну. Район Сандарна – не конечная остановка, а лишь последняя городская станция. Полупустой трамвай заворачивал за холм, пересекал черту города и следовал дальше, к летним виллам в Лонгедраге и пляжам Сальтхольмена.

Штеффи жила на окраине. На самом дальнем краю города. Совсем как на острове в море, где жили тетя Марта с дядей Эвертом. Штеффи решила, что попала на край света, увидев впервые их дом на суровом западном побережье, вдали от видневшейся пристани и маленького поселка.

Когда живешь в сотнях миль от своего дома и родителей, то чувствуешь, что ты всегда далеко. Неважно, какой у тебя адрес.

Девочки сошли на посадочную площадку и перешли улицу. Прямо перед ними на пологом холме возвышалась народная школа. Огромное белое здание для сотен детей из дома для многодетных семей. Трое из семьи Май посещали эту школу. Эрику и Нинни еще рано учиться, а Бриттен, следовавшая по старшинству за Май, весной закончила учебу и устроилась в булочную курьером. Почти все дети из рабочих семей в Сандарне учились до шестого класса. Май была исключением, она получала стипендию благодаря своим высоким отметкам и продолжала учиться в школе для девочек.

– Ох уж этот дрянной экзамен по математике! – сказала Май. – Я его никогда не сдам. Ничего не выйдет, это точно. Если я завалю этот экзамен, фрекен Бьёрк не аттестует меня. А как же гимназия?

Шел третий год их учебы в школе для девочек. Осенью им предстояло поступать в гимназию. Если позволят отметки, они получают стипендию. Все в классе переживали за свои оценки, но только Штеффи и Май без стипендии не смогут продолжить учебу.

– Все будет в порядке, – сказала Штеффи. – Я тебе помогу.

В центре города дома были обращены фасадами на улицу. За ними теснились сады и заборы, другие дома и сараи. Темные лабиринты, скрытые позади, вели к светлым улицам.

В районе Сандарна не было садов. Дома стояли на склонах холмов, еще покрытых прошлогодней жухлой травой, но скоро они зазеленеют. Светлые ряды зданий были развернуты так, чтобы солнце освещало каждое окно и балкон. К подъездам вели узкие дорожки. Во дворах сохли яркие лоскутные коврики, и повсюду галдели дети.

Сначала Штеффи с Май зашли в «Консум» и купили в кредит продукты на ужин. Здесь всё, как говорится, «записывали». Тетя Марта бы этого не одобрила. Один из ее многочисленных жизненных принципов гласил: никогда не брать в долг.

Затем они зашли в детский сад и забрали Эрика с Нинни. Эрик, шестилетний баловень, не желал, чтобы его видели со старшей сестрой и ее подругой, и сразу же убежал играть с большими мальчишками. Трехлетняя Нинни обнимала и целовала Май и отказалась сама подниматься по лестнице. Май взяла ее на руки, но вскоре Нинни попросилась к Штеффи, а на полпути до квартиры малышка снова захотела к сестре.

– Избаловали ребенка, – ворчала Май, таща Нинни последние два лестничных пролета на четвертый этаж.

– Кто же ее избаловал? – смеясь, спросила Штеффи.

– Да знаю я, знаю!

На лестнице их догнала Гуннель, ей исполнилось восемь. Она увидела, как девочки зашли в подъезд, и хотела рассказать о том, что случилось в школе. Гуннель взяла Штеффи за руку и принялась увлеченно болтать. Она была в восторге от темных волос и карих глаз Штеффи; Гуннель даже пыталась подражать ее легкому акценту. Гуннель всегда держала Штеффи за руку или сидела у нее на коленях. Штеффи была не против.

Хотя временами, когда Гуннель сидела у нее на коленях и играла локоном, Штеффи охватывало чувство вины. Из-за Нелли. Нелли, ее собственная младшая сестра, оставалась на острове у своих приемных родителей, тети Альмы и дяди Сигурда, пока Штеффи училась в Гётеборге. Штеффи виделась с сестрой лишь один раз в месяц на выходных и на каникулах, когда приезжала на остров. Нелли шел одиннадцатый год – взрослая девочка, которая уже не сидит ни на чьих коленях.

Покидая Вену еще до войны, Штеффи обещала маме с папой заботиться о Нелли.

Она не была уверена, что ей это удалось.

Глава 2

Штеффи открыла дверь ключом, одним на двоих с Май. У Бриттен был свой собственный, а младшие дети гуляли во дворе и ждали, пока не вернутся из школы Май и Штеффи или не придет пораньше с работы их мама.

На коврик у порога в прихожей лежала желтоватая почтовая карточка. Штеффи подняла ее. Она даже не взглянула на обратный адрес, потому что знала его.

Ранней осенью перестали приходить из Вены письма от родителей. Многие месяцы ни Штеффи, ни Нелли ничего о них не знали. Беспокойство, словно ноющая боль, не покидало ее, день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем.

Наконец пришла карточка, точно такая, как сейчас у нее в руках. Обратный адрес – Терезиенштадт¹, лагерь в Чехословакии около Праги. Немцы собрали там тысячи евреев: мужчин, женщин и детей из Вены и Берлина, Гамбурга и Праги. В этом лагере оказались бы и Штеффи с Нелли, если бы мама с папой вовремя не отправили их в Швецию.

Послания из Терезиенштадта выглядели всегда одинаково. Простая почтовая карточка без конверта. Скупой текст. Штеффи посчитала слова – всего тридцать, помимо даты и подписи. «Наверное, больше нельзя писать», – подумала Штеффи. Кто-то сидел и считал слова в тысячах карточек. Неудивительно, что они приходили не раньше чем через месяц, иногда и того позже.

В первой карточке папа просил отправить посылку с продуктами. Он не объяснил, что им было нужно, но тетя Марта помогла Штеффи наполнить коробку консервами, сушеными фруктами, овсяной крупой и твердым хлебом грубого помола. Теперь они собирали посылку каждый раз, когда Штеффи приезжала на остров. Половину расходов тетя Марта брала на

¹ Терезиенштадт (нем. Theresienstadt) – нацистский концентрационный лагерь, располагавшийся на территории бывшего гарнизонного города Терезин в Чехии, на берегу реки Огрже. (Здесь и далее прим. редактора.)

себя, остальное Штеффи покупала сама на деньги, которые заработала в цветочном магазине за неделю до Рождества. Зимой тетя Марта упаковала в посылку теплые вязаные носки и шарфы. Иногда мама Май, тетя Тюра, совала Штеффи банку консервированного молока или пачку изюма и просила отослать в следующей посылке.

Май тоже сразу поняла, что карточка – от родителей Штеффи. Она опустила Нинни на пол и забрала у Штеффи сумку с продуктами.

– Слушай, иди в комнату, – сказала она. – Я разберусь с малышами и с ужином.

Май исчезла в кухне, забрав с собой Нинни. Гуннель стояла в прихожей и смотрела на Штеффи, пока та снимала пальто.

– Гуннель! – крикнула из кухни Май. – Иди сюда, оставь Штеффи в покое!

Гуннель неохотно побрела в кухню. Штеффи с карточкой в руке вошла в спальню, которую делила с Май, Бриттен и Гуннель. Родители Май спали с Нинни в большой комнате, а одиннадцатилетние Курре и Улле – на кухонном диване. Эрик спал в ванной комнате, где должна была стоять ванна. Саму ванну раздобыть не удалось. Коммунальные службы пообещали установить ее после войны.

Штеффи села на одну из кроватей – на ту, где спала, – и принялась читать:

«Терезиенштадт, 13 марта 1943

Доченька!

Спасибо за посылку! Передай привет тете Марте и поблагодари. Ваша забота – для нас все. Представляешь, я буду играть Царицу Ночи в «Волшебной флейте» – опера здесь, в лагере! Целую, мама».

Тридцать слов. Так мало. Штеффи представила, как мама пишет карандашом черновик, зачеркивает и заменяет слова, чтобы поместилось то, что она хотела сказать. Наверняка она заменила «Дорогая Штеффи» на «Доченька», сэкономив таким образом слово. Отказалась вставить слово «сердечно», когда просила Штеффи поблагодарить тетю Марту. Но не смогла обойтись без небольшого исключения «Представляешь!». Что мама имела в виду? Неужели она будет петь оперу в лагере?

Партия Царицы Ночи всегда была маминой мечтой. Ей не удавалось получить эту роль, а потом она ушла из Оперного театра. Мама говорила, что была слишком молода для этой роли. Однажды они всей семьей ходили на «Волшебную флейту», еще до прихода немцев.

А что, если в лагере Терезиенштадт не так страшно? Можно ли назвать место, где разрешают играть и петь музыку Моцарта, ужасным?

Штеффи перевернула карточку, словно могла обнаружить там что-то еще, кроме тридцати слов. Шепот, какие-то оттенки, ответ на свой вопрос.

Шум с кухни заставил ее вернуться к действительности. Нинни ударилась, и Май распекла Гуннель за то, что та не уследила за малышкой, пока сама она готовила ужин.

Штеффи поднялась. Ей хотелось помочь Май по хозяйству. Чем еще она могла отплатить за гостеприимство? Родители Май получали деньги от комитета помощи как компенсацию за еду, жилье и карманные расходы. Но все же им приходилось нелегко. Помимо Штеффи в семье Май девять человек. И хотя квартира в Сандарне была больше, чем их прежнее жилье на Каптенсгатан, все равно было тесно.

Летом Штеффи возвращалась на остров, и о деньгах заботилась тетя Марта. То, что оставалось после вычета расходов на еду и карманные деньги, тетя Марта откладывала на сберегательную книжку Штеффи.

– Это тебе на будущее, – говорила тетя Марта.

Будущее. Раньше оно простиралось перед Штеффи как бесконечная череда дней. Путь по открытым землям, не прямой как стрела, но его можно было видеть, ему можно было следовать. Теперь же Штеффи не видела перед собой никакого пути. Она шла как в тумане, осторожно, шаг за шагом. Однажды туман рассеется. Однажды война закончится.

Штеффи вошла в кухню. Май поставила вариться картошку и жарила сельдь. Рыбный запах наполнял комнату. Штеффи втянула ноздрями воздух. Она научилась любить рыбу с тех пор, как приехала в Швецию.

– Тебе помочь? – спросила она.

– Все нормально? – поинтересовалась Май.

– Думаю, да.

– Тогда накрой на стол, – сказала Май.

Штеффи расставила тарелки, стаканы и разложила столовые приборы. Кухня была маленькой и не вмещала всех десятерых. Обычно Штеффи с Май возвращались из школы и готовили ужин. Закончив, звали младших и ели с ними. Затем тетя Тюра разогревала еду Бриттен, папе и себе. Кроме воскресений. По воскресеньям кухонный стол переносили в гостиную и вся семья ужинала вместе, кто за кухонным столом, кто за журнальным столиком.

На Каптенсгатан кухня была шире. Но в остальном здесь было лучше. Квартира казалась просторной, хотя не была такой уж большой. Из гостиной наискосок виднелась прихожая, а через окно для раздачи – кухня. Обои светлые и свежие, пол покрыт линолеумом. В кухне имелись газовая плита и сервант. Из кранов текла горячая вода. Под окном – радиатор, обогревающий квартиру, а на лестнице – мусоропровод, не нужно было выносить мусорное ведро на помойку. Когда тетя Тюра увидела это впервые, она прослезилась.

– Подумать только, – сказала она, – чтобы простые люди жили с таким комфортом. Все такое милое и красивое. И легко моется.

Она посмотрела на свои руки, покрасневшие и шершавые от уборки дома и на работе, в семьях, где могли себе позволить платить домработнице, и продолжала:

– Горячая вода в доме! Вот бы мне такое подспорье, когда дети были совсем маленькими. Так гораздо проще держать их в чистоте. Конечно, кроме Эрика, этот парень успевает испачкаться, едва отвернешься.

«Сандарна – начало нового времени, – сказала Май. – Времени, когда рабочие получают современное жилье и власть в обществе. После войны».

После войны.

Глава 3

В актовом зале вот-вот начнется последний в весеннем семестре письменный экзамен по математике. Штеффи всегда охватывало неприятное чувство, как только она входила в зал. Ряды парт, дежурный учитель за своим столом и кислотоватый запах спирта от копий с заданиями напоминали ей о первом экзамене по немецкому языку, когда фрекен Крантц обвинила ее в обмане. Неприятное чувство длилось миг и исчезло.

Теперь у Штеффи не было проблем с фрекен Крантц. Если Штеффи не могла объяснить, почему слово «луна» в немецком языке мужского рода, а «солнце» – женского, фрекен Крантц лишь вздыхала и задавала вопрос кому-нибудь еще. Она даже перестала критиковать произношение Штеффи и позволила ей говорить на венском диалекте.

Штеффи знала, что это заслуга фрекен Бьёрк. Она поговорила с фрекен Крантц и потребовала лучше относиться к Штеффи. Ей удалось убедить фрекен Крантц, хотя та преподавала тридцать лет, а Хедвиг Бьёрк – лишь пять. Штеффи повезло с классной руководительницей.

С учителем по географии, магистром Лундквистом, дела обстояли хуже. Еще осенью он стоял у совершенно новой карты Европы и распространялся об успехах Германии в войне. «Границы, установленные недавно, – сказал магистр Лундквист, – должны оставаться неизменными, и постепенно страны, оккупированные Германией, тоже присоединятся к немецкому государству». Он сделал широкий охватывающий жест от Норвегии к Греции, от Москвы к Парижу.

– И тогда, – сказал магистр Лундквист, – Швеция едва ли сможет остаться в стороне. Вот увидите сами. Это геополитический факт.

Обычно Май возражала ему, а он грозил ей низкими отметками.

Но сейчас, весной 1943 года, магистр Лундквист не был по-настоящему уверен в своей позиции. У немцев все шло не так гладко, как прежде. Осенью англичане выиграли крупное

сражение в пустыне и теперь собирались вытеснить немецкие войска из Северной Африки. А на востоке русским удалось остановить немецкое наступление у города под названием Сталинград. Немцы были зажаты в кольцо и наконец капитулировали. Штеффи видела документальный фильм, где замерзшие, с кругами под глазами солдаты шли с поднятыми руками.

– Это начало конца, – сказал папа Май. – Конца Третьего Рейха. Советский Союз им не по зубам.

Начало конца. Но сколько времени займет этот конец?

Хедвиг Бьёрк раздала экзаменационные задания по математике. Штеффи очнулась от своих размышлений, когда перед ней на парту приземлился пахнущий спиртом лист бумаги с лиловым шрифтом. В придачу она получила ободряющую улыбку.

Им не разрешали приступать к работе, пока все не получили свои листки. Затем в их распоряжении было три часа, до двенадцати.

Штеффи пробежалась взглядом по заданиям. Восемь штук. Первые шесть – простые. За ними – теорема по геометрии, в которой Штеффи не была уверена. Восьмое задание – сложное, но, прочитав его во второй раз, Штеффи поняла смысл. Она знала, как решить эту задачу!

Воодушевившись, Штеффи положила перед собой листок в клеточку и взяла карандаш. Перед тем как начать, она бросила взгляд на Май, которая сидела в том же ряду, но ближе к окну.

Май держала перед собой листок с заданиями на расстоянии вытянутой руки, уставившись на него пустым взглядом. На щеках у нее выступили красные пятна. Штеффи видела, что Май охвачена ужасом.

Ей захотелось подойти к Май и ткнуть пальцем в листок. Ей хотелось сказать: «Разве ты не видишь? Не видишь, как это просто? Первые шесть для тебя пустяк. Такие же задания мы решали и в школе, и дома. Два последних сложны, но тебе не нужно к ним приступать. Даже если ошибешься в одном задании, этого хватит на хорошую отметку. Ты только не бойся, тогда справишься».

Но им нельзя покидать свои места и нельзя разговаривать. Она ничего не могла сделать, чтобы вывести Май из оцепенения. Ей даже не удалось поймать ее взгляд.

Май не станет легче, если она сама упустит время и не приступит к работе. Штеффи снова прочитала восьмое задание и решила начать с него.

Прошел час, она справилась с пятью заданиями. Остались два простых и седьмое, сложное.

Хедвиг Бьёрк ходила по залу. Она остановилась рядом с Май и положила ей руку на плечо. Май подняла на нее умоляющий взгляд. Хотя парты Май и Штеффи разделяли несколько метров, Штеффи увидела, что Май вспотела.

Почему математика дается Май с таким трудом, ведь с остальными предметами она справляется легко?

Штеффи решила два легких задания и приступила к сложному. Она бросила взгляд на настенные часы. Без пятнадцати одиннадцать. К двенадцати нужно успеть решить задачу и переписать чернилами на чистовик.

Тишину нарушили всхлипы. Штеффи подняла взгляд. Май склонилась над партой и плакала. Смятый лист бумаги упал с парты на пол.

Хедвиг Бьёрк поднялась со своего места и направилась к парте Май. Но, прежде чем она успела подойти, Май вскочила и с плачем бросилась вон из зала. Хедвиг Бьёрк беспомощно посмотрела ей вслед. Не могла же она бросить остальных в зале посреди экзамена.

Штеффи колебалась лишь секунду. Затем она собрала свои листки. К счастью, все написано довольно опрятно. Быстро проверила, верны ли ответы на задания и порядок вычислений. Потом взяла листки и подошла к Хедвиг Бьёрк.

– Я готова, – сказала она.

Хедвиг Бьёрк посмотрела на исписанные карандашом листки в клеточку. Пролистала их.

– Ты уверена? – спросила она.

– Да, – ответила Штеффи.

Хедвиг Бьёрк кивнула.

– Я тебе верю, – сказала она.

Штеффи отыскала Май на лестнице, ведущей в школьный подвал, у двери с табличкой «Бомбоубежище».

– Все плохо, – всхлипывала Май. – Я не смогла. Похоже, на этом моя учеба закончится.

Она повернула свое круглое заплаканное лицо к Штеффи. Очки Май держала в руке.

– Икс во второй степени и квадратный корень из игрека – я ничего не понимаю! На уроках и когда ты объясняла, я иногда улавливала суть. Но когда мне приходится решать самой, все эти иксы и игреки превращаются в противных маленьких насекомых, которые не могут оставаться на месте, и их невозможно поймать. Понимаешь?

Штеффи кивнула.

– Но ты могла бы сдать то, что сделала, – сказала она. – Вряд ли все задания были с ошибками. Что-то могло оказаться верным.

Май перестала плакать.

– «Что-то могло оказаться верным», ну спасибо, – сказала она. – Это могло оказаться совершенной, тотальной, катастрофической глупостью.

Штеффи улыбнулась. Май снова стала собой.

– Тебе нужно поговорить с Хедвиг Бьёрк, – сказала Штеффи. – Вдруг она сможет все как-нибудь уладить. Ты ведь не позволишь нескольким насекомым помешать твоей учебе в гимназии, правда?

Май тоже улыбнулась, но лишь уголками губ, ее глаза оставались грустными.

– Нет, – сказала она. – Разумеется, не позволю.

Глава 4

Вечером по средам Штеффи и Вера ходили в кондитерскую. Штеффи немного стыдилась тратить деньги на лакомства, она могла бы купить еще что-нибудь из продуктов и положить в посылку для мамы с папой. Но она не хотела говорить об этом Вере. Иначе Вера стала бы ее угощать.

Вера сама зарабатывала. Она устроилась домработницей в одну семью в Васастадене, недалеко от дома, где жила семья Свена. «Хорошее место», – сказала Вера. У нее была уютная комнатка рядом с кухней. Хозяйка оказалась милой женщиной, не было маленьких детей, за которыми нужно присматривать. Вера была свободна вечером в среду и в субботу и весь вторник. По ее словам, других девочек отпускали лишь на один день и один вечер в неделю. Вера знала, что говорила, она познакомилась со многими ровесницами, работающими в семьях.

С ними Вера ходила на танцы в Руту – ресторан с танцплощадкой в парке аттракционов Лисберг. На самом деле это место называлось Рутунда, но все называли его Рута. Уже несколько месяцев Вера пыталась уговорить Штеффи пойти туда вместе.

– Это так весело, – говорила Вера. – Тебе обязательно нужно выйти и немного повеселиться. Ты же только сидишь и корпишь над своими книгами.

Неправда. Кроме кондитерской, Штеффи ходила в кино и иногда на концерт. Они с тетей Мартой словно заключили молчаливое соглашение с тех пор, как два года назад фрекен Хольм видела Штеффи у кинотеатра и ее чуть было не исключили из общины Пятидесятнической церкви².

² Пятидесятники – евангельские христиане, последователи пятидесятничества, одного из направлений протестантизма.

– Я верю, ты сама знаешь, что правильно, а что нет, – сказала тогда тетя Марта. Но если они захотят исключить тебя снова, я ничем не смогу помочь.

Но пойти на танцы? Штеффи понимала, что это было бы слишком. На танцы – самый строгий запрет, или почти.

Вера склонилась над столом.

– Штеффи, – сказала она. – Ну что, по-твоему, случится? Кто тебя там увидит? В Руте я никогда не встречала ни единой души с острова. Никто не узнает. А мы так повеселимся!

Она умоляюще посмотрела на Штеффи своими зелеными глазами. Рыжие волосы были подстрижены в современную, длиной до плеч, прическу и искусно уложены на лбу волной. И все же волосы Веры так и норовили вырваться на свободу и встать облачком вокруг ее головы, как на острове, когда Вера и Штеффи только познакомились.

Для Веры было важно выглядеть юной дамой, а не девочкой-подростком. Ей уже исполнилось шестнадцать. Минуту назад она гордо рассказывала, как говорила новым знакомым, что ей восемнадцать, и ей верили. Ее округлая грудь выпирала под плотно облегающим свитером, губы накрашены, а дома в ящике комода лежали две пары шелковых чулок, которые она надевала на танцы.

Штеффи была всего на четыре месяца младше, но иногда чувствовала себя рядом с Верой ребенком. Она считала, что выглядит как школьница в своих белых блузках, аккуратно застегнутых кофтах и юбках в складку, с волосами, все еще коротко подстриженными и уложенными в простую прическу с пробором. Штеффи редко задумывалась о своей внешности, но в компании Веры было сложно не замечать, как выглядишь.

Вера была красива. Она слыла симпатичной еще на острове, но за полгода она расцвела и стала красавицей. «Ей бы впору на обложку журнала, – думала Штеффи, – или в кино».

Тут Вера спохватилась:

– Я ведь забыла тебе кое-что рассказать! Завтра меня будут фотографировать.

– Кто?

Вера рассказала. В прошлую субботу в Руте к ней подошел один «старик». На самом деле он не был старым. Около сорока лет, но ведь все остальные, кто ходил туда, были не старше двадцати пяти. Сначала Вера его немного испугалась, но он вел себя очень вежливо и представился фотографом, владельцем собственного фотоателье. У него даже была визитная карточка с фамилией и адресом. Он сказал, что у Веры поразительно интересное лицо и что он с удовольствием сфотографировал бы ее. Вера спросила, куда попадут фотографии, и он ответил, что имеет связи во всех крупных журналах и, конечно же, мог бы продать их. Обещал, что весь мир ляжет у ног такой красивой девушки. На вопрос, сколько ей лет, Вера, как обычно, ответила, что ей восемнадцать. Фотограф оставил ей карточку с адресом и пригласил зайти, когда сможет. Затем поклонился и ушел.

– Он такой стильный, понимаешь, – сказала Вера. – Смуглый, в красивом костюме.

Штеффи почувствовала, как внутри у нее шевельнулось беспокойство. В Верином рассказе ей что-то не понравилось.

– Тебе правда нужно туда идти? – начала она. – Подумай...

Вера пожала плечами и рассмеялась.

– Ничего опасного, – сказала она. – Он даже предложил мне взять с собой подругу, если захочу. Ты свободна завтра в три часа?

Штеффи задумалась. Завтра в три часа у нее урок немецкого языка. Отважится ли она бросить вызов судьбе и фрекен Крантц?

– Это сложно, – сказала она. – Понимаешь, у меня урок немецкого.

– Эй, – сказала Вера. – Ты же знаешь немецкий. Пойдем.

– Может, пойдем позже? В четыре я смогу.

– Не выйдет, – сказала Вера. – Он сказал, что нам потребуется по меньшей мере два часа, а к шести мне нужно быть дома и помыть после ужина посуду.

– А если я приду туда после школы?

– Нет, – сказала Вера. – Я буду глупо выглядеть. Словно не могу сама о себе позаботиться. Другое дело, если бы ты пришла со мной с самого начала. Он бы и тебя сфотографировал.

Штеффи рассмеялась.

– Я не подхожу на роль девушки с обложки.

– Ты красивая, – сказала Вера. – У тебя выразительные темные глаза и высокие скулы. Тебе нужно лишь немного косметики и сменить прическу. Пойдем со мной в субботу на танцы, я сделаю из тебя красавицу!

Глаза Веры блестели.

– Не приставай, – сказала Штеффи. – Ты знаешь, что я не хочу. К тому же на выходные я поеду на остров.

Они больше не разговаривали о фотографиях. Но когда Штеффи сидела в трамвае, возвращаясь домой в Сандарну, она снова почувствовала укол беспокойства.

Глава 5

«Я могла бы пойти с ней».

Штеффи сидела в классе и слушала, как фрекен Крантц читала скрипучим голосом примеры сослагательного наклонения в немецком языке. Штеффи украдкой бросила взгляд на часы, подарок тети Марты и дяди Эверта на ее пятнадцатилетие. Десять минут четвертого.

Вера уже в фотоателье, если не передумала. Но это вряд ли.

Вера хотела «стать кем-то». Это означало стать знаменитой киноактрисой или удачно выйти замуж.

– «Желаю тебе удачи в твоих делах». Улла?

Штеффи представила себе портрет Веры, слегка склонившей набок голову, глаза сияют, на лбу – локон. Может, Вера поступила правильно. Может, эти фотографии – ее шанс перестать готовить, прибирать и прислуживать всю свою жизнь. Может, Штеффи совершенно зря беспокоится.

– «Как бы там ни было, тебе лучше быть осторожным», – сказала фрекен Крантц. – Переведите. Лилиан!

Лилиан запнулась и застряла на глагольной конструкции.

– «На твоём месте я бы этого не делал», – давила фрекен Крантц. – Переведите. Стефания!

Штеффи перевела.

Без двадцати четыре урок закончился. Май ушла на собрание школьного комитета, поэтому Штеффи поехала домой одна. Май любила общества и собрания. Кроме школьного комитета она являлась секретарем социал-демократического молодежного клуба в Майорне.

Штеффи шла через школьный двор, и тут кто-то ее позвал. Не оборачиваясь, она узнала голос Хедвиг Бьёрк. Штеффи остановилась, чтобы ее подождать.

Хедвиг Бьёрк была для Штеффи не только классной руководительницей и учительницей по математике и биологии, но и другом, почти как старшая сестра или кузина. В ту тяжелую зиму, когда Штеффи не могла больше жить в семье Свена, она остановилась у Хедвиг Бьёрк, пока семья Май не переехала в новую квартиру.

– Как дела? – спросила Хедвиг Бьёрк. – Все хорошо?

– Да, спасибо, всё в порядке, – ответила Штеффи.

– Я проверила еще не все работы, – сказала Хедвиг Бьёрк, – но могу сказать, что у тебя все восемь заданий – безупречны. И я не стану снижать баллы за то, что ты сдала их в черновике. Ведь на это были веские причины.

«А как же Май?» – подумала Штеффи. Набраться мужества и спросить? Или не стоит заходить в их дружбе так далеко? Несмотря ни на что, Хедвиг Бьёрк – ее учительница.

– Я понимаю, тебе интересно, что будет с Май, – сказала Хедвиг Бьёрк. – По правде сказать, мне тоже. Я ведь знаю, как для нее важен хороший аттестат. Она может выбрать классическое направление и покончить с математикой. Но один экзамен завален, два с грехом пополам сданы, и еще этот... Ей придется трудно. В выходные я подумаю, что делать. В среду вы получите письменные работы.

– А ты сама? – продолжала Хедвиг Бьёрк, пока они шли по школьному двору. – Ты наверняка выберешь естественные науки.

Штеффи кивнула. Она хотела стать врачом, как папа. Она будет заботиться о больных людях. Скорее всего, о детях. Представьте себе, ставить на ноги больных детей, может, даже спасать жизни! Этого она хотела больше всего.

– Не думаю, что у тебя возникнут трудности со свободным местом и стипендией, – сказала Хедвиг Бьёрк. – А комитет помощи возьмет на себя расходы на жизнь, пока ты не закончишь учебу?

Штеффи вздрогнула. Об этом она не подумала. Она считала это дело решенным, комитет продолжит оплачивать питание, жилье и одежду, если это необходимо. А вдруг ей откажут? Тогда она вряд ли сможет остаться у Май. Они не в состоянии содержать еще одного члена семьи.

– Не знаю, – сказала она. – Я попрошу тетю Марту разузнать.

– Попроси, – сказала Хедвиг Бьёрк. – Меня удивит, если они не поймут, что такой одаренной девочке, как ты, необходимо продолжить учебу.

Они расстались у ограды. Хедвиг Бьёрк пошла пешком до своей однокомнатной квартиры в Йоханнесберге, а Штеффи поехала на трамвае в Сандарну.

Разразился сильный дождь, и когда Штеффи вошла в подъезд с Нинни и Эриком, на лестнице ее уже дожидались Гуннель, Курре и Улле.

В квартире сразу стало тесно, и воцарился беспорядок. Курре и Улле катали шарики на полу в кухне. Близнецы никогда бы не отважились на это, будь дома мама или даже Май. Но Штеффи была не в счет. Гуннель сердилась на Эрика за то, что тот подрисовал ее бумажным куклам усы, и хотела, чтобы Штеффи его «вздула». Нинни устала и капризничала.

Штеффи стояла у плиты, жарила колбасу и думала, что никогда не справится со своими собственными детьми. Или со своими легче? Затем она подумала о том, что произойдет, если Май не поступит в гимназию. Возможно, ее оставят еще на год в школе до экзаменов. А потом? Штеффи будет учиться в гимназии и жить здесь на пансионе, в то время как Май и даже Бриттен, которая на два года младше, начнут сами себя обеспечивать и помогать семье деньгами. Это будет странно выглядеть.

А вдруг комитет помощи не захочет платить за нее еще три года? Тогда придется работать.

Мысли вихрем носились в голове Штеффи. Ей хотелось остановить их.

– Ты слишком много думаешь, – говорила Вера. – Нужно жить, особенно пока молод. А не вечно раздумывать.

Вера. У фотографа. Уже четверть шестого. Вере следовало уже уйти оттуда. Если бы у Май был телефон, она бы позвонила. Но телефона не было, а Штеффи не могла оставить детей одних и сходить в «Консум», откуда обычно звонили.

В полшестого пришла мама Май. Ужин был на столе, и Штеффи изнемогала от усталости. Еще не сняв пальто, тетя Тюра успела успокоить Нинни и отругать Эрика за испорченных бумажных кукол Гуннель. Курре и Улле исчезли из кухни со своими шариками, лишь только в прихожей раздались мамины шаги.

Колбаса слегка подгорела, а соус из хрена получился с комками. Но картошка сварилась как следует.

– Как дела? – спросила тетя Тюра. – Ты так озабочена. Что-нибудь с родителями?

– Нет, – ответила Штеффи. – Они получили мою посылку.

Штеффи хотелось довериться тете Тюре. Мама Май была из тех людей, что, кажется, всегда предугадывают события и уже занимаются тем, о чем другие еще даже не успели подумать. Несмотря на излишний вес, на частые боли в спине и коленях, тетя Тюра всегда была подвижной и почти всегда – в хорошем настроении. Даже сердясь, она ругалась, словно шутя. Даже в самый разгар брани выражение ее глаз оставалось ясным и спокойным.

Взгляд тети Тюры остановился на Штеффи.

– Надеюсь, тебя никто не обидел? А то им придется иметь дело со мной!

Штеффи не смогла удержаться от смеха. Тетя Тюра делала вид, словно Штеффи была такой же маленькой, как Эрик и Гуннель.

– Нет, нет, – сказала она. – Я просто устала. Сейчас нам так много задают.

Момент упущен. Что бы она рассказала тете Тюре о Вере? Все равно уже слишком поздно. Она не пошла с Верой к фотографу и не отговорила ее.

– Курре и Улле! – скомандовала тетя Тюра. – Займитесь посудой. Стефании нужно учить уроки.

Близнецы заворчали, но подчинились.

Да и как бы Штеффи отговорила ее? Ведь Вера очень хотела, а это, может, ее шанс на лучшую жизнь.

«Но на твоём месте, Вера, я бы не стала так поступать», – подумала Штеффи.

Глава 6

Около шести Штеффи побежала в «Консум», чтобы позвонить Вере. Но номер был занят, а магазин уже закрывался. Штеффи пыталась дозвониться три раза, пока девушка за прилавком не начала проявлять беспокойство. После третьей попытки Штеффи была вынуждена сдаться.

На следующий день во время перерыва на завтрак она зашла в табачный магазин неподалеку от школы и снова позвонила Вере. В этот раз никто не ответил. После занятий Штеффи села на трамвай и поехала к Деревянному пирсу, а оттуда – на остров. В субботу отменили занятия, и Штеффи могла подольше погостить у тети Марты с дядей Эвертом.

Штеффи стояла на палубе и смотрела, как мимо проплывали острова и шхеры. В солнечном свете гранит отливал сотнями оттенков серого, коричневого и розового на фоне голубого моря. Кусты и низкорослые деревца, росшие в расселинах, были окружены облачками светлой зелени. То тут, то там виднелись лиловые пятна анютиных глазок.

Штеффи вспомнила свою первую поездку на остров. В тот раз ей показалось, что кругом все серое. Теперь шхеры обрели цвет.

Никто не встретил ее на пристани, но у лодочного навеса дяди Эверта стоял красный велосипед. Кто-то догадался оставить его там, поэтому Штеффи не пришлось тащить свою тяжелую сумку с учебниками и еще одну с грязными вещами через весь остров.

Штеффи порадовалась заботе. Еще большую радость она испытала, увидев «Диану» на своем месте у причала. Это означало, что дядя Эверт был дома. В прошлый раз она не застала его. С рыбной ловлей всегда так: часто лодки проводят в море неделю или больше. Их возвращение зависит от погоды и ветра, а с тех пор как началась война, еще и от движения по морю иностранных военных судов.

Штеффи прикрепила школьную сумку к багажнику, а сумку с вещами повесила на руль. Затем перекинула ногу через раму и двинулась в путь. Она проехала через поселок и миновала желтый дом, где жила Нелли. Завтра она навестит сестру и тетю Альму. Хотя, может, даже сегодня вечером.

Теплый ветер оведал лицо, велосипед катился легко. Теперь Штеффи умела ездить на велосипеде и не понимала, почему было так сложно научиться. Оставив позади знакомый поворот, она вспомнила, как однажды давным-давно Вера нашла ее в канаве.

Штеффи и Май не раз говорили о том, чтобы пересест с трамвая на велосипеды и сэкономить деньги на проезд. Штеффи привезла бы в Гётеборг свой велосипед, а Май купила бы с рук. Но Штеффи побаивалась движения на дорогах и втайне была довольна тем, что Май все еще не собрала денег на велосипед.

Она скатилась с последнего холма и затормозила у калитки. Тетя Марта стояла во дворе и развешивала стиранные вещи. В основном – рабочую одежду дяди Эверта: грубые голубые брюки и клетчатые рубашки.

– Я привезла еще! – крикнула Штеффи и подняла сумку с грязными вещами.

Тетя Марта обернулась и помахала ей прищепкой. Штеффи поставила велосипед и подошла к бельевой веревке. Она достала из корзины рубашу и повесила ее рядом с теми, что уже развесила тетя Марта. Прищепки она брала из тряпичного мешочка, который тетя Марта привязала к талии.

Их плечи слегка коснулись друг друга.

– Спасибо за велосипед, – сказала Штеффи.

– Нелли поставила его там, – сказала тетя Марта. – Вчера они с Альмой заходили, и я попросила ее съездить на велосипеде к пристани и оставить его у лодочного навеса. Ее велосипед тут. Отвезешь его завтра Альме и придешь домой пешком.

Штеффи обернулась и увидела у дома голубой велосипед Нелли. У ее маленькой сестры такой большой велосипед!

– Поедешь туда завтра? – продолжала тетя Марта.

Ее голос прозвучал важно, словно за этими словами скрывалось что-то особенное.

– Да, – сказала Штеффи. – Я собиралась. Или, может, сегодня вечером.

– Нет, – сказала тетя Марта. – Подожди до завтра. Мы с Эвертом хотели вечером побыть с тобой.

Штеффи почувствовала внезапную теплоту в груди. Неужели это тетя Марта, строгая, чопорная тетя Марта, которую она первое время так боялась! Штеффи захотелось обнять ее, но она знала, что тетя Марта освободится от объятий и скажет что-нибудь о телячьих нежностях.

Штеффи достала из корзины очередную рубашку, однако тетя Марта сказала:

– Не стоит вешать белье, не сняв городскую одежду. Иди в дом и поздоровайся с Эвертом.

Дядя Эверт сидел за кухонным столом с чашкой кофе и газетой. Он поднялся, когда Штеффи вошла.

– Штеффи! – воскликнул он. – Давно не виделись.

Он потрепал ее по щеке. Дядя Эверт тоже не любитель обниматься.

Штеффи достала кофейную чашку, села за стол напротив него и налила из кофейника коричневую жидкость. Штеффи научилась пить кофе в Швеции. Разумеется, это был суррогатный кофе. Настоящий покупали по талонам³ и заваривали лишь в исключительных случаях. По будням пили заменитель. Дядя Эверт проводил взглядом ее движение от сахарницы к чашке.

– Повезло, что Марта этого не видит, – сказал он. – Она экономит сахар и все, что по талонам. Самое большее – по кусочку на чашку, это правило.

– Если считать, что я пью только каждую вторую чашку, – сказала Штеффи, – то я могу брать по два кусочка вместо одного.

Дядя Эверт засмеялся.

– Каждую вторую чашку! А ты неглупа!

– Как дела с рыбой?

³ Во время войны и после ее окончания, в условиях дефицита, многие товары распределялись по карточкам (талонам).

– Как обычно, – сказал дядя Эверт. – Если нам везет с уловом, мы получаем хороший доход. Но часто мы возвращаемся с пустыми трюмами. Немецкие суда преследуют нас. Да и мины...

Он замолчал. Штеффи знала. С тех пор как началась война, двенадцать шведских рыбацких лодок подорвались на минах. Почти пятьдесят рыбаков погибло.

– У нас нет выбора, – сказал дядя Эверт. – Мы должны ловить рыбу. Иначе как мы тогда проживем?

Крупные ладони дяди Эверта лежали на столе. Длинный белый шрам у основания большого пальца выделялся на загорелой коже. Штеффи захотелось протянуть руку и коснуться руки дяди Эверта, но она не знала, понравится ли ему это.

– Уже завтра мы снова выходим на «Диане», – сказал дядя Эверт.

– Завтра? Вы же только вернулись?

– Да, – сказал он. – Но военно-морские силы просили нас помочь. Всех рыбаков, которых можно поднять. В четверг пропала одна шведская подводная лодка. Она исчезла во время учений. Лодка называется «Волк». Мы должны расставить сети и посмотреть, не сможем ли обнаружить ее на дне.

– А те, кто на борту? – затаив дыхание, спросила Штеффи.

– Они могут быть живы, – сказал дядя Эверт. – Всё еще могут. А пока есть возможность, есть надежда.

Тетя Марта вернулась с пустой корзиной для белья. Она тоже села за стол с чашкой. Тетя Марта налила кофе, взяла из сахарницы кусочек сахара и разделила его на две части. Половину положила обратно в сахарницу, а вторую половину – в чашку. Дядя Эверт и Штеффи переглянулись и улыбнулись.

– Ты получала известия от родителей? – спросила тетя Марта.

– На неделе я получила карточку от мамы. Она просила передать вам привет и поблагодарить за посылку.

– Что-нибудь новое? – спросил дядя Эверт.

– Она будет петь оперу. Царицу Ночи в «Волшебной флейте».

– Оперу?

В голосе тети Марты прозвучало недоверие.

– Там, в лагере?

Штеффи кивнула:

– Так написано.

Дядя Эверт задумался.

– Может быть, – сказал он. – Может быть, так и нужно. Несмотря ни на что оставаться человеком.

Штеффи посмотрела в голубые глаза дяди Эверта. Голубые и глубокие, как море.

– Да, – сказала она. – Я тоже так думаю.

Глава 7

Субботним утром Штеффи разбудил солнечный луч, пробившийся в окошко мансарды. Она потянулась и оглядела комнату со скошенным потолком. На комодe стояла семейная фотография с прогулки по Венскому лесу. Портреты мамы и папы висели над кроватью в Гётеборге. Штеффи хотела, чтобы родители были с ней. Хотя теперь она делила комнату с Май и ее младшими сестрами и поэтому не разговаривала с портретами, как раньше.

Штеффи принялась рассматривать фотографию. Мама, папа, Нелли и она сама. Она вспомнила, как папа попросил одного любезного пожилого мужчину сделать снимок, на котором все четверо были бы вместе. Как с трудом заставили Нелли прекратить игру и успокоиться на минуту. Как мама шутила, что папе нужно было надеть ботинки для прогулок и шляпу с пером.

– Ты выглядишь так, словно заблудился по пути на работу, а не гуляешь в лесу.

Другая прогулка по Венскому лесу, только годом позже. На конечной остановке трамвая в Нойвальдегге стояли люди в коричневой униформе. Когда папа сошел с трамвая, его остановил один из них.

– Возвращайтесь назад в город, – грубо сказал он. – Мы не хотим, чтобы евреи отравляли тут свежий воздух. Венский лес – для австрийцев.

Папа пошатнулся, словно от удара в лицо.

Мама запела австрийскую народную песенку. Люди останавливались и слушали. Многие улыбались, а пара девушек подпевали.

Мама допела до конца. Взяла Штеффи и Нелли за руки, и они вернулись на свои места в трамвае. Папа последовал за ними.

Это была их последняя прогулка по Венскому лесу.

– Чем ниже солнце, тем выше общество, – кисло сказала тетя Марта, когда Штеффи показала в дверях кухни. Но сердитые интонации были лишь притворством. За ними скрывалась улыбка.

Штеффи оделась, позавтракала и снова позвонила Вере. В этот раз Вера взяла трубку, но ее голос звучал странно, и она сказала, что не может сейчас разговаривать. По-видимому, Вера была не одна. Они договорились встретиться как обычно в среду вечером и закончили разговор.

– Что-то не так с Верой? – спросила тетя Марта.

– Да нет, – ответила Штеффи. – Вовсе нет. Просто она занята.

– За этой девочкой кто-то должен присматривать, – сказала тетя Марта. – А не бросать ее в городе на произвол судьбы.

– Она ведь работает.

– Ты же понимаешь, что я имею в виду, – сказала тетя Марта.

Дядя Эверт пошел на пристань проверить «Диану» и узнать, что нового. На пристани можно было узнать, что произошло на острове и в мире; там и еще на почте у фрекен Хольм.

Тетя Марта принялась выкладывать продукты на кухонный стол. Там уже стояла коричневая картонная коробка.

– Мы упакуем посылку сейчас, – сказала она. – А ты зайдешь на почту и отправишь ее, тебе все равно по пути.

Они вместе упаковали овсяную крупу и муку, мясные консервы и сушеные сливы, горох в жестяных банках и бутылку рыбьего жира.

– Фу, – скривилась Штеффи.

– Это полезно, – сказала тетя Марта. – Им обязательно нужны витамины.

Напоследок тетя Марта взяла стеклянную баночку и наполнила ее сахаром. Штеффи с удивлением посмотрела на нее. Бесценный, выдаваемый по талонам сахар?

– Ну вот, – сказала тетя Марта и спрятала банку с сахаром среди других продуктов. – Это всё.

Она закрыла коробку и тщательно перевязала ее веревкой. Штеффи написала по-немецки адрес. «Госпоже Элизабет Штайнер, Блок С III, Терезиенштадт». У папы с мамой были разные адреса в лагере. По-видимому, мужчины и женщины жили отдельно друг от друга, даже если были женаты. Штеффи очень хотелось больше узнать о том, как живут ее родители. Часто ли они встречаются, что делают, готовит ли мама папе еду из продуктов, которые им присылают.

Штеффи как следует закрепила посылку на багажнике и подстраховала ее кожаным ремнем. Коробка была так тяжела, что Штеффи не смогла ехать в гору, ей пришлось вести велосипед.

Фрекен Хольм на почте была, как всегда, разговорчива.

– Малышка Штеффи! – сказала она и хлопнула в ладоши. – Давно не виделись! Подумать только, как вчера помню, как вы с фру Янсон пришли сюда в первый раз. За почтовой маркой, не так ли? А теперь ты взрослая дама. Учишься в Гётеборге.

Она забрала посылку и взвесила ее. Почтовый сбор оказался почти таким же, как и стоимость содержимого посылки. Вся почта в Терезиенштадт должна быть заказной.

– А Вера Хедберг? – спросила фрекен Хольм. – Она ведь тоже в городе. Вы все такие же хорошие подруги?

– Конечно, – ответила Штеффи.

С фрекен Хольм не стоит долго болтать. Все, что она узнает, дойдет до других, иногда в приукрашенном виде.

От почты недалеко до дома тети Альмы и дяди Сигурда. Эльза и Йон, сводные сестра и брат Нелли, играли во дворе, Нелли нигде не было видно. Штеффи поставила велосипед и постучалась. Открыла тетя Альма.

– Штеффи! – радостно воскликнула она. – Приятно тебя видеть! Заходи. Нелли наверху. Можешь подняться, если хочешь. Спускайтесь обе и поешьте булочек с соком.

Штеффи поднялась по лестнице. На втором этаже в доме тети Альмы и дяди Сигурда было три спальни. Спальня взрослых и две комнаты поменьше. В одной раньше жила Нелли, пока Эльза с Йоном делили вторую. Теперь Эльза перебралась к Нелли.

Дверь в комнату девочек была закрыта. Штеффи постучалась и вошла. Переступив порог, она почувствовала, что в комнате произошли перемены – нечто большее, чем появление Эльзы.

Нелли сидела на краю кровати. Вид у нее был угрюмый. Штеффи села рядом и взяла сестру за руку. Нелли застыла.

«Что с ней?» – удивилась Штеффи, но она достаточно хорошо знала характер сестры, чтобы спрашивать напрямик.

– Какое красивое платье, – вместо этого сказала она. – Новое? Его сшила тетя Альма?

– «Какое красивое платье!» – передразнила ее Нелли. – Ты что, думаешь, мне все еще семь лет?

– Я всего лишь имела в виду, что тебе очень идет это платье, – сказала Штеффи.

Нелли была действительно очаровательна – длинные черные косы, румяные щеки и большие темные глаза.

– Очень идет! – воскликнула Нелли. – С такими-то волосами!

– Что не так с твоими волосами?

– Может, в городе и сгодится выглядеть как цыганка, но не здесь! Я хочу выглядеть как все. Светлые волосы и голубые глаза. Я хочу быть шведкой!

– Тебя кто-то дразнит? – спросила Штеффи.

Она вспомнила, как в первый год на острове ее мучила Сильвия. Хотя у Нелли всегда в школе было много друзей.

– Нет, – сказала Нелли. – Но ведь у меня есть глаза. Я похожа на подкидыша. Сама посмотри!

Она показала пальцем на фотографию, стоявшую на комод. Снимок был недавно сделан у фотографа. Тетя Альма и дядя Сигурд сидели рядом. Йон был на коленях у тети Альмы. Рядом стояла Эльза, прислонившись к ее плечу. У всех были открытые круглые лица, голубые глаза и светлые волосы. Позади них стояла Нелли. На их фоне она выглядела экзотическим цветком, принцессой из «Тысячи и одной ночи».

– Ты несправедлива, – сказала Штеффи, – тетя Альма всегда заботилась о тебе, словно ты ее собственная дочь.

– Я хочу, чтобы это было так!

– Как ты можешь так говорить? У тебя есть родители, разве ты забыла?

Нелли не ответила. Лишь пожала плечами. Штеффи захотелось схватить ее и хорошенько встряхнуть, вытрясти из этой угрюмой незнакомки с замкнутым лицом прежнюю жизнерадостную и добрую Нелли.

Теперь понятно, чего не хватало в комнате.

Фотографий! Портретов мамы и папы, таких же, как у нее самой. Раньше они стояли на комод, а сейчас там семейный снимок.

– Куда ты дела фотографии? – спросила Штеффи. – Те, с мамой и папой?

– Они в комод, – недовольно ответила Нелли.

– Почему?

– Теперь здесь живет Эльза. Ей может не понравиться постоянно смотреть на них.

– Неужели она так сказала?

– Нет.

– Нелли, – сказала Штеффи. – Это наши родители. Твои родители. Я не хочу, чтобы ты о них забыла. Ты пишешь им?

– Конечно, пишу. Каждую неделю. То маме, то папе. О чем еще ты хочешь узнать?

Голос Нелли стал резким. Словно она защищалась. Словно Штеффи – ее враг.

Штеффи присела на корточки на полу перед Нелли. Взяла ее руку и попыталась поймать взгляд.

Тут их позвала тетя Альма.

– Штеффи! Нелли! Идите пить сок!

Нелли оттолкнула сестру и встала.

– Тетя Альма зовет, – сказала она. – Я иду вниз.

Штеффи отказалась от сока с булочками. Она знала, что тетя Альма расстроится, но не могла больше сидеть и притворяться, будто ничего не случилось. Она хотела побыть одна, если Нелли больше не захочет с ней поговорить.

«Позаботься о Нелли».

Так сказал папа, когда четыре года назад они расставались на железнодорожном вокзале в Вене. «Позаботься о Нелли», – повторяли в своих письмах и мама, и папа. «Позаботься о Нелли. Она так мала».

Она подвела маму с папой. Ей не следовало уезжать в Гётеборг. Они с Нелли должны были держаться вместе. И ответственность на ней, потому что она старше.

Может, ради Нелли стоило отказаться от гимназии? Но если она не будет учиться, ей придется работать. А на острове для девочек нет никакой работы. Девочки с острова едут в город и работают в семьях, как Вера, или на фабрике. Или выходят замуж за рыбаков и остаются.

Кроме того, уже слишком поздно. Она не может больше заботиться о Нелли, потому что Нелли не позволит ей.

Глава 8

В воскресенье утром, перед отъездом в Гётеборг, Штеффи попросила тетю Марту позвонить в комитет помощи и узнать, возьмут ли они на себя ее содержание еще на три года, пока Штеффи не закончит учебу в гимназии. Тетя Марта обещала позвонить.

Возвращаясь домой, Штеффи снова стояла на палубе, в этот раз она в основном смотрела в воду. Поверхность сверкала и была спокойной. Где-то там глубоко лежал «Волк», пропавшая подводная лодка.

Ночью Штеффи приснилось, что она заперта с другими людьми в тесной комнате. Воздух вот-вот кончится. Она проснулась, чувствуя, что задыхается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.